

Е. А. КОСТЮХИН

К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси

Опубликованная О. В. Твороговым одна из самых популярных книг Древней Руси — «Летописец Еллинский и Римский» — побуждает вернуться к давней проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой того времени.

Когда говорят о становлении русской литературы, указывают обычно на два питавших ее источника: христианско-византийскую литературу и восточнославянский фольклор. Их принято было рассматривать как две обособленные, противостоящие одна другой мировоззренческие и художественные системы. Фольклор при этом представлялся колыбелью родной культуры, сокровищницей народной мудрости, вынесенной из далекого прошлого. Литературную же традицию считали ориентированной чуть ли не исключительно на «идеологию правящих классов».¹ Эти представления нуждаются в уточнениях.

Древние памятники народного творчества не сохранились, и фольклор Древней Руси рисуется по аналогии со знакомым нам в записях XIX—XX вв. По мнению А. И. Никифорова, например, в Древней Руси песни пели и сказки рассказывали те же самые, что и много веков спустя. Что же касается былин, то они, несомненно, доносят до нас память о событиях Киевской Руси, лишь слегка подпорченную временем. Не вызывает сомнений и древность календарного обряда с его мифологической семантикой.²

Другие ученые, полагая, что тысячу лет назад жанровая система фольклора была иной, что прямых соответствий между древнерусской литературой и современным фольклором нет и быть не может, домысливают фольклор Древней Руси. Так был предположен жанр «славы», воспринимаемый как величание. Следы его были обнаружены в «Слове о полку Игореве».³ Однако если этот жанр и существовал, то семантика его была иной и «слава» не сводилась к величанию.⁴ И когда в былине об Илье Муромце и Соловье Разбойнике Т. Г. Рябинин поет:

¹ Одной из первых эту точку зрения обнародовала В. П. Адрианова-Перетц в статье «Древнерусская литература и фольклор (К постановке проблемы)» // ТОДРЛ М., Л., 1949 Т. 7 С. 5 См. также Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор Л., 1974

² Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода // История русской литературы АН СССР М., Л., 1941 Т. 1

³ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л., 1978 С. 20—26

⁴ Над связью «славы» с похоронными причитаниями задумывалась В. П. Адрианова-Перетц Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор С. 36

А тут Соловью ему и славу поют,
А и славу поют ему век по веку⁵ —

то это не значит, что здесь возвеличен враг Русской земли.

Самые осторожные исследователи справедливо указывают на то, что современный фольклор коренится не столько в Киевской, сколько в Московской Руси. Там сложились, скорее всего, былины, в эту эпоху возникли и многие знакомые нам в поздних записях лирические песни. Что же касается сказок, то представления об их древности сильно преувеличены. По крайней мере сказки волшебные оформились у нас под сильным литературным влиянием и вошли в обиход едва ли ранее XVII—XVIII вв.

Детальная картина древнерусского фольклора никогда не будет для нас ясна. Однако от нескольких заведомо предвзятых представлений о его сущности мы можем отказаться. И прежде всего от явно устаревшей концепции о том, что фольклор был художественной системой, враждебной литературе, и лишь изредка давал о себе знать, «прорываясь» сквозь идеологически чуждую народу систему литературную. Едва ли продуктивно говорить о двух резко противопоставленных одна другой системах. Была одна система, и древнерусский человек не был раздираем противоречиями. И правильнее говорить не о влиянии фольклора на литературу (что хорошо) и литературы на фольклор (а это хуже), но и об известной их общности.

Прежде чем толковать об этой общности, нужно отказаться еще от одного, явно романтического предрассудка. Фольклор объявляется культурным наследием национального прошлого. Но в историческом развитии каждый народ вступает в культурные контакты с соседями, что предполагает культурный взаимообмен. В результате этого образуется сложный конгломерат «своего» и «чужого», и возводит все в фольклоре к национальной архайке нет никаких оснований. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует фольклорный материал в «Повести временных лет»: летописец одинаково охотно использует мотивы и славянские, и тех народов, с которыми славяне контактировали. Давно найдены скандинавские параллели к преданию о смерти Олега от своего коня⁶ и скифские к рассказу о смерти Святослава и чаше, сделанной из его черепа. Едва ли можно сомневаться в иранском происхождении дива, засевшего на дереве в «Слове о полку Игореве»,⁷ побуждающего вспомнить о другом чудовище, обитающем на дереве, — Соловье Разбойнике.

Связь литературы и фольклора Древней Руси не сводится к обмену отдельными образами и темами: она обусловлена и фольклорно-мифологическим сознанием древнерусского книжника. Этот книжник, «разглядевший» дива, засевшего на дереве и страшщего своим криком, не позаимствовал его из какого-то произведения — такой див был для него мифологической реальностью.

Современная фольклористика все чаще пользуется понятием «мифологическое сознание», не ограничиваясь привычным понятием «фольклор». В традиционном понимании фольклор — это совокупность конкретных произведений, передающихся, как правило, устным путем. Мифологическое же сознание — это сумма далеко не всегда документированных

⁵ «Илья Муромец» / Подгот текста, статья и коммент А М Астаховой М, Л, 1958 С 41

⁶ Рыдзевская Е Л Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв М, 1978

⁷ Слово о полку Игореве М, Л, 1950 С 12 Различные точки зрения на Дива изложены в статье Соколова Л В Див // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб, 1995 Т 2 С 110—114

представлений. Всякий знает, что перебежавшая дорогу черная кошка — дурная примета. Какое отношение имеет эта примета к фольклору как совокупности текстов? Никакого, поскольку конкретных произведений на эту тему нет. Но она имеет прямое отношение к мифологическому сознанию.

Говоря о мифологическом сознании, следует иметь в виду, что оно не только базировалось на представлениях, восходящих к языческой архаике, но постоянно «подпитывалось» литературными источниками. Ценнейший материал для наблюдений над этим дают хронографы, по праву считающиеся своеобразными энциклопедиями. По таким энциклопедиям можно судить о мировосприятии грамотного древнерусского человека и круге его знаний. Конечно, это не были энциклопедии в современном смысле слова: излагавшаяся в хронографах история была, по сути дела, предметом богословия.⁸ Такая «богословская историография» содержала множество мифологических образов и сюжетов, большей частью восходивших к мифологии античной и библейской. Можно себе представить, как действовали на воображение древнерусского читателя ветхозаветные рассказы о пророке Данииле с его видениями о четырех зверях или о козле и овне (Дан 7:8). И как бы ни истолковывались рационалистически древнегреческие мифы в духе Эвгемера, мифологическое содержание не выветривалось из них окончательно. Зевс превращается в законного наследника престола, царствовавшего 62 года, и боги с героями получают «человеческие» характеристики: Зевс — любодей, Дионис (Денисий) — «начальник пьянству», Геракл зверовиден, но им сопутствуют рассказы о чудесных превращениях — например, миф о Зевсе и Семеле.

Мифологическое содержание легко просматривается и в «естественно-научной» информации. Хронографы полны сообщений о стихийных бедствиях, и нередко эти сообщения сопровождаются красочными деталями. Так, в Троицком хронографе рассказывается о том, что во время землетрясения, которое испытал весь мир, «земля вздуся зело за 7 днии».⁹ Что до всяких диковинных существ, населяющих землю, то хронографическая литература на них не скупилась. Не говоря уже об «Александрии», полной «этнографической фантастики», «Летописец Еллинский и Римский» сообщал о змееногих гигантах, истребленных Богом.¹⁰

Так внимательный взгляд на произведения древнерусской литературы, как оригинальной, так и переводной, обнаруживает в них не только мощный фольклорный пласт, но и мифологическое сознание той поры.¹¹

⁸ См. новейшее исследование на эту тему Водолазкин Е. Г. *Всемирная история в литературе Древней Руси* Мюнхен, 2000

⁹ Творогов О. В. *Древнерусские хронографы* Л., 1975 С. 95

¹⁰ *Летописец Еллинский и Римский* Т. 1 Текст СПб., 1999 С. 5

¹¹ Проблема особого сознания древнерусского книжника была поставлена И. П. Ереминым еще в 1940-е гг. Еремин И. П. «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. *Литература древней Руси (этюды и характеристики)* М., Л., 1966